ЧУВСТВА В ФОКУСЕ

комплект из 3 книг

Алехандро Самбра
Наталья Николаевна Алексеева
Артур Каджар

Чувства в фокусе. Комплект из 3 книг

Серия «Loft. И смех и грех»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74714041
ISBN 978-5-04-253509-3

Аннотация

Комплект из 3 книг – платите меньше, читайте больше!

В состав входят:Бонсай, Манино счастье, Марафон в рай.

Комплектом выгоднее, чем покупать книги по отдельности

Бонсай

Алехандро Самбра исследует отношения молодой пары и взаимосвязь любви и искусства.

«Бонсай» – это история Хулио и Эмилии, двух молодых чилийских студентов, которые ищут истину в великой литературе, но вместо этого находят друг друга. Как и все молодые пары они примеряют на себя новые личности, наблюдают и анализируют свою историю любви, как будто это один из величайших романов, который они оба притворяются, что прочитали. И пока они

следят друг за другом на протяжении всей своей юности, то сходясь, то расходясь, Алехандро Самбра создает новаторскую метафизическую историю, блестяще исследующую взаимосвязь между любовью, искусством и памятью.

Манино счастье

Маленькая Маня провела детство в деревне. Затем мама забрала ее в большой город, жить с ней и старшей сестрой. Маня вынуждена заново узнавать свою семью, с их тайнами и неудачами в личной жизни.

Бесследно исчезнувший отец, одинокие и несчастливые мать, бабка и прабабка не позволяют девушке создать свой собственный благополучный мир.

Трепетная первая любовь с врачом-ливанцем Амином, казалось, вот-вот приведет к счастью, но вмешательство семьи ломает планы влюбленных. Да и дальнейшие попытки Мани найти любовь терпят крах.

Разгребая снежный ком своих и чужих ошибок, она постепенно осознает причину неудач. Пусть интуитивно, понемногу, но Маня начинает приводить свою жизнь в порядок.

Остается сделать последний важный шаг – стать первой в семье, кто исправит ошибки предыдущих поколений. Первой, у кого все сложится.

Марафон в рай

Любовно-приключенческий роман с завязкой в казино.

Сбежать, чтобы остаться?..

В ослепительном мире казино талантливая скрипачка Нара работает крупье и умеет запускать шарик так, чтобы он падал в нужное поле. Одна ночь рушит всё: её кумир, рок-музыкант Архангел, в пьяном азарте проигрывает бесценную гитару.

Охваченная виной, Нара крадёт инструмент и деньги у опасного босса казино – и они с Архангелом становятся беглецами, мчащимися через города и страны в Индию.

Армения, Грузия, Израиль, Турция – их марафон на выживание полон погонь, ревности и рискованных выигрышей. В этом вихре приключений вспыхивает страсть, способная исцелить раненые сердца.

Смогут ли Нара и Архангел уйти от преследователей и обрести истинный «рай»?

*Цена комплекта рассчитана исходя из базовых цен. Во время акционных предложений цена отдельных книг может меняться

Содержание

Алехандро Самбра 6
I. Узелок 8
II. Танталиада 16
III. Одолжения 24
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Алехандро Самбра, Наталья Алексеева, Артур Каджар Чувства в фокусе Комплект из 3 книг

Алехандро Самбра Бонсай

© Петров Г., перевод на русский язык, 2023
© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2023

* * *

Посвящается Алели

Шли годы, а единственным, кто не изменялся, была девушка в его книге.
Ясунари Кавабата

Боль выявляется и проявляется.
Гонсало Мильян

I. Узелок

Вот так-то: в конце нашей истории она отходит в мир иной, и он остается один, хотя в действительности был одинок и за несколько лет до смерти Эмилии. Ну назовем ее Эмилией, а его – Хулио. Пусть ее звали или зовут Эмилией, а его звали, по-прежнему зовут и будут звать Хулио. Хулио и Эмилия. Итак, Эмилия покинула его, Хулио пока что жив, а остальное – художественный вымысел.

Впервые они переспали случайно. Их ожидал экзамен по второму разделу синтаксиса испанского языка – предмету, которым они не владели. Впрочем, с юношеской горячностью утверждали, что готовы ко всему, даже к изучению синтаксиса в доме близняшек Вергара. А учебная группа там собралась значительно больше, чем ожидалось. Один врубил музыку, пояснив, что привык под нее заниматься; другой явился с бутылкой водки, сославшись на то, что без алкоголя ему, мол, трудно сосредоточиться. Третий отправился за апельсинами: ему, видите ли, влом пить водку без апельсинового сока. К трем часам ночи все были пьяны в стельку, поэтому и улеглись спать. Конечно, Хулио предпочел бы провести ночь с любой из сестер Вергара, но моментально смирился с необходимостью разделить подсобное помещение с Эмилией.

Хулио не нравилось, что Эмилия задает бесконечные вопросы на занятиях, а ее раздражало, что Хулио запросто сдает экзамены, хотя редко наведывается в университет. Тем не менее в ту ночь они вдруг обнаружили чувственную близость, которую, впрочем, способна найти любая парочка, прояви она чуточку усердия в ее поисках. Стоит ли упоминать, что оба плохо сдали злополучный экзамен. Неделю спустя, получив шанс на пересдачу, они снова позанимались с близняшками и опять переспали, хотя на сей раз не было необходимости делить закуток: родители сестер Вергара совершали поездку в Буэнос-Айрес.

Незадолго до того как связаться с Хулио, Эмилия решила, что впредь будет просто *сношаться,* как принято у испанцев, а не заниматься любовью; она больше не станет ни с кем завязывать серьезные отношения, а тем более тупо трахаться. «Эта проблема наша, чилийская, – смущенно сказала Эмилия, воспользовавшись темнотой. – Вот в чем проблема юных чилийцев: мы слишком молоды, чтобы заниматься любовью, а значит, в нашей стране можно только трахаться, но нам с тобой это не подходит, давай лучше сношаться, как в Испании».

В ту пору Эмилия еще не знала Испанию. Через несколько лет она будет жить в Мадриде, городе, где ей предстоит много сношаться, но уже не с Хулио, а в основном с Хавьером Мартинесом, Анхелем Гарсией Атьенсой, Хулианом Альбукерке и даже (правда лишь единственный раз и отчасти вы-

нужденно) с Каролиной Копец, своей польской подружкой. Но именно тогда, в следующую совместную ночь, Хулио стал вторым по счету сексуальным партнером Эмилии, или, как с долей лицемерия утверждают мамы и психологи, вторым мужчиной Эмилии, которая, в свою очередь, олицетворила для Хулио первые серьезные отношения. Он избегал таких связей, опасаясь не женщин, а своего серьезного подхода к ним, сознавая, что это таит не меньшую, а то и бóльшую угрозу, нежели сам по себе слабый пол. Хулио понимал, что обречен на нечто подобное, и упорно пытался перечить судьбе, проводя время в стоическом ожидании ужасного и неизбежного дня, когда пресловутая серьезность воцарится в его жизни навсегда.

Первый бойфренд Эмилии был неловок, но в его неуклюжести присутствовала искренность. Он совершал много оплошностей, однако почти всегда умел их признать и исправить. Впрочем, существуют ошибки, не поддающиеся корректировке, и тот недотепа – первый – допустил одну или две из тех, что не прощают. Но они не достойны даже упоминания.

Обоим было по пятнадцать, когда они начали встречаться. А к тому времени, когда Эмилии исполнилось шестнадцать и семнадцать, неловкому парню все еще было пятнадцать. И в дальнейшем: Эмилии стукнуло восемнадцать, и девятнадцать, и двадцать четыре, а ему по-прежнему было пятнадцать, ей – двадцать семь, двадцать восемь, но ему пятна-

дцать, вплоть до ее тридцатилетия. Нет, Эмилия не продолжила счет своим дням рождения после тридцати, и не потому, что с той поры решила уменьшать свой возраст, а лишь потому, что через несколько дней после того, как ей исполнилось тридцать, она умерла. Так что кончились дни рождения – у покойников их не бывает.

Следующий бойфренд Эмилии был чересчур белокожий. С ним она открыла для себя альпинизм, велосипедные прогулки, бег трусцой и вкус йогурта. Да, среди прочего, это был период пристрастия к йогурту, что важно для Эмилии, прежде злоупотреблявшей писко[1]. Долгими сумбурными ночами она поглощала писко с кока-колой, писко с лимоном, а то и «чистый», безо льда. Они страстно обжимались, но до полового акта дело не дошло, ведь парень был слишком, по-европейски, белым, что вызывало у Эмилии недоверие, хотя и сама она была такой же, почти совсем светлой, однако с очень черными короткими волосами.

Ну а третий был серьезно болен. Она с самого начала знала, что их связь обречена, но все-таки отношения затянулись на полтора года. И он стал ее первым сексуальным партнером, первым мужчиной, когда ей было восемнадцать, а ему двадцать два.

Между третьим и четвертым – несколько любовных встреч на одну ночь, скорее, от скуки.

---

[1] Крепкий алкогольный напиток из винограда, популярен в Перу и Чили *(прим. перев.)*.

Четвертым стал Хулио.

Согласно глубоко укоренившемуся семейному обычаю, половую инициацию Хулио согласовали за десять тысяч песо с Исидорой, кузиной, которую, конечно, не звали Исидорой и которая не была двоюродной сестрой Хулио. Все мужчины в семье прошли через Исидору, молодую еще женщину с шикарными бедрами и некоторой склонностью к романтизму. Она соглашалась уделять им внимание, хотя и не была, как бы это выразиться, блудницей, совсем уж проституткой – она трудилась секретаршей адвоката, и не упускала случая упомянуть об этом.

В пятнадцать лет Хулио познал кузину Исидору и продолжал контачить с нею в последующие годы, получая свидания как дорогой подарок, когда достаточно сильно настаивал. Или когда жестокость его отца смягчалась, и тут же наступало так называемое раскаяние, сразу же сменявшееся периодом отцовской вины, наиболее благоприятным последствием которого являлась финансовая выгода сына. Излишне упоминать, что Хулио влюбился в Исидору, что он желал ее и что она, испытав мимолетную нежность к начитанному юноше в черной одежде, обходилась с ним лучше, чем с другими гостями, баловала и по-своему воспитывала.

В социосексуальных целях он начал встречаться с женщинами своего возраста только в двадцать лет. Его успех был невелик, но достаточен для того, чтобы решиться покинуть

Исидору. Бросить ее так же, как прекращают курить или делать ставки на скачках. Конечно, ему было нелегко, но за несколько месяцев до той второй ночи с Эмилией Хулио уже считал себя спасшимся от порока.

Так что во вторую ночь Эмилия конкурировала с единственной соперницей, хотя Хулио ни разу не пришло в голову их сравнивать, отчасти потому, что это было невозможно, но также потому, что Эмилия фактически стала единственной любовью всей его жизни, а Исидора – давним приятным источником развлечений и страданий. А когда Хулио влюбился в Эмилию, все развлечения и страдания, предшествовавшие тем, которые она ему начала доставлять и причинять, вспоминались всего лишь как имитация подлинных.

Хулио впервые обманул Эмилию, сказав, что читал книги Марселя Пруста. Обычно он не лгал о своем литературном багаже, но в ту вторую ночь, когда оба поняли: между ними что-то происходит, и это что-то, сколько бы ни продлилось, будет важным, Хулио повысил голос и доверительно сообщил: да, да, он прочел Пруста в семнадцать, на летних каникулах, которые провел на курорте Кинтеро. Однако никто из его семьи уже не отдыхал там летом, включая родителей Хулио, которые когда-то познакомились на пляже в Эль-Дурасно, но давным-давно не ездили на прекрасный курорт Кинтеро, оккупированный теперь бродягами. В семнадцать лет Хулио якобы поселился там, в доме бабушки и дедушки,

чтобы запереться в комнате и спокойно читать знаменитый роман Пруста «В поисках утраченного времени». Ложь, разумеется: тем летом он ездил в Кинтеро и читал запоем, но не Марселя Пруста, а Джека Керуака, Генриха Белля, Владимира Набокова, Трумэна Капоте и Энрике Лина, а не Марселя Пруста.

Той же ночью и Эмилия впервые обманула Хулио. Ее ложь тоже состояла в том, что она, мол, прочла Марселя Пруста. Сначала просто кивнула: и я, конечно, его читала. Но тут возникла долгая пауза, не то чтобы неловкая, а выжидательная, поэтому Эмилии пришлось закончить фразу: да, в прошлом году. И у меня ушло на это около пяти месяцев, ведь я была занята, как тебе известно, ликвидацией «хвостов» в университете. Тем не менее решила осилить все семь томов, и, признаться, для меня, как для читательницы, это были важнейшие месяцы жизни.

Да, она употребила такое выражение: несомненно, это были самые важные месяцы в ее жизни как читательницы.

Так или иначе, в истории Эмилии и Хулио больше недомолвок, чем лжи, и меньше недомолвок, чем правды – той, что именуется абсолютной и считается неудобной. Со временем, недолгим, но вполне достаточным, они начали открывать друг другу свои менее явные желания и устремления, необъятные чувства, свои краткие приукрашенные биографии. Хулио поделился с Эмилией тем, о чем должен знать только его персональный психолог. В свою очередь Эми-

лия задним числом превратила Хулио в некоего соучастника принятия каждого своего решения на протяжении всей жизни. К примеру, когда она поведала, что в четырнадцать лет возненавидела собственную мать, Хулио внимательно выслушал ее и одобрил – да, Эмилия, ты приняла тогда правильное решение, а по-другому и быть не могло; он сам поступил бы точно так же. Кстати, будь они тогда, в четырнадцать лет, вместе, он, естественно, всячески поддержал бы ее.

Связь Эмилии и Хулио изобиловала правдой, интимными откровениями, быстро переросшими в соучастие, которое они пытались считать незыблемым. Так что эта легковесная история превращается в тяжкую. В сюжет о двух студентах, пристрастившихся к правде; они швыряются фразами, которые кажутся истинными, постоянно курят и замыкаются в агрессивном самодовольстве тех, кто считает себя лучше, чище остальных – той огромной и презренной массы, которую именуют «прочими».

Они мигом научились читать книги одних и тех же писателей, размышлять в одном русле и утаивать различия. Очень скоро их сблизило самолюбие. По крайней мере в то время Хулио и Эмилия сумели связать друг друга каким-то подобием узелка. Короче, они были счастливы, и в этом нет никаких сомнений.

II. Танталиада

С той поры они продолжали *сношаться* в одолженных квартирах и в номерах мотелей, где от простыней разило коктейлем «Писко сауэр». Они занимались сексом в течение года, и тот год показался им быстротечным, хотя на самом деле был очень долгим – на редкость длинным годом, по истечении которого Эмилия переехала к своей подруге детства Аните.

Анита невзлюбила Хулио, сочтя его тщеславным и депрессивным, но ей все же пришлось звать его к завтраку, и однажды даже приготовить его любимое блюдо – яйца всмятку, чтобы доказать себе и своей подруге, что в глубине души Хулио не так уж ей неприятен. Он был постоянным визитером тесной и, скорее, негостеприимной квартиры, которую делили Эмилия и Анита. А вот что беспокоило Аниту в Хулио, так это то, что он слишком сильно повлиял на ее подругу.

– Ты изменил мою подругу. Не была она такой.
– А ты? Всегда была такой?
– Какой еще такой?
– Ну как сейчас.

Но тут в перепалку вмешалась Эмилия, проявив понима-

ние и сыграв роль миротворца. Какой смысл быть рядом с кем-то, не влияющим на твою жизнь? Вот что она сказала в присутствии Хулио: жизнь имеет смысл, только если находишь кого-то, кто изменит тебя, кто нарушит твое существование. Аните эта теория показалась сомнительной, но она не стала ее оспаривать. Ей было известно: когда Эмилия говорит таким тоном, возражать бесполезно.

Странности Хулио и Эмилии были не только сексуальными (а таковые имелись) или эмоциональными (их тоже было предостаточно). Это же касалось, если можно так выразиться, литературных вкусов. В одну особенно счастливую ночь Хулио шутливо прочитал стихотворение Рубéна Дарúо, которое Эмилия драматизировала и упрощала, пока оно не выродилось в подлинно сексуальную поэму, откровенную, со стонами и оргазмом. У них стало традицией читать вслух – тихим голосом – каждую ночь перед соитием. Они прочли «Книгу Монеллы» Марселя Швоба и «Золотой храм» Юкио Мисимы, обнаружив в них разумный источник эротического вдохновения. Вскоре чтение стало значительно разнообразнее: в список вошли «Человек, который спит» Перека, несколько рассказов Онетти и Рэймонда Карвера, стихи Тэда Хьюза, Тумаса Транстремера, Армандо Урúбе и Курта Фолча. И даже отрывки из Ницше и Эмиля Чорана.

В один то ли хороший, то ли плохой день случай предъявил им страницы «Антологии фантастической литерату-

ры» Борхеса, Биóя Касáреса и Сильвины Окáмпо. Вообразив склепы и дома без дверей, изучив черты бесчисленных призраков, они остановились на «Танталиаде» – кратком рассказе Маседóнио Фернáндеса[2], который глубоко повлиял на них.

«Танталиада» повествует о паре, решившей купить маленькое растение[3], дабы сохранить его как символ объединяющей их любви. И лишь с опозданием поняли: если росток погибнет, вместе с ним умрет их любовь. А поскольку любовь, которая их соединяет, безмерна, и они ни в коем случае не намерены ею жертвовать, было решено затерять растеньице среди множества похожих на него. Далее – грядущее разочарование и несчастье от осознания того, что они никогда не смогут отыскать свою травинку.

Она и Он, те персонажи Маседонио Фернандеса, обладали крохотным ростком любви и лишились его. Эмилия и Хулио не совсем персонажи, хотя, возможно, их удобно считать таковыми, на протяжении нескольких месяцев читали перед каждым любовным «сеансом». Как это мило, полагали оба, причем порой одновременно: как приятно читать и обсуждать новое перед тем, как переплести ноги. Похоже на занятие гимнастикой.

Не всегда легко было отыскать в текстах какой-нибудь, даже мелкий, повод поиметь друг друга. Но в конце концов

---

[2] Аргентинский поэт, писатель, философ *(прим. перев.)*.

[3] В произведении речь идет о ростке клевера *(прим. перев.)*.

удавалось вычленить абзац или стих, который в причудливо растянутом или извращенном виде работал на них, «распаляя». (Им нравилось это выражение, вот я его и привожу. Они любили его почти так же, как сам процесс.)

Однако на этот раз все было иначе.

«Мне разонравился Маседонио Фернандес», – с необъяснимой робостью призналась Эмилия, поглаживая подбородок и губы Хулио. – А Хулио в ответ: «Мне тоже. Маседонио меня развлекал, очень нравился, но теперь уже нет».

Они тихо прочли рассказ Маседонио и вполголоса продолжили:

– Абсурдно это, как сон.

– Да сон и есть.

– Глупость это.

– Не понять мне тебя.

– Ну и ладно, абсурд и есть.

Та ночь должна была стать последней, когда Эмилия и Хулио занимались сексом. Но они продолжали встречаться, несмотря на постоянные жалобы Аниты и ужасное раздражение, которое вызывал у них рассказец Маседонио. Вероятно, чтобы оценить разочарование или просто сменить тему, они стали обращаться исключительно к классике. И принялись обсуждать, как это делают все дилетанты в мире, первые главы романа «Госпожа Бовари». Начали раскладывать

по полочкам своих друзей и знакомых в зависимости от того, были ли они похожи на героев книги – Шарля или Эмму, а также примерять себя самих к трагической семье Бовари. В постели проблем не было – оба стремились походить на Эмму, быть как Эмма, стараться как Эмма, потому что не сомневались, что она была необыкновенно хороша в сексуальном плане, а в нынешних условиях стала бы еще лучше. В конце XX века, в городе Сантьяго-де-Чили, Эмма трахалась бы даже лучше, чем в романе Флобера. Это произведение по ночам превращалось в самоуправляемый броневик, двигавшийся вслепую по улицам красивого и нереального города. А «остальные», плебс, ревниво перешептывались о подробностях скандального увлекательного романа, действие которого происходит за закрытыми дверями.

Впрочем, в отношении некоторых деталей они так и не пришли к согласию: не могли решить, вела ли себя Эмилия, как Эмма, и действовал ли Хулио, как Шарль. Или, скорее, оба они непреднамеренно изображали Шарля. Однако никто никогда не хочет быть Шарлем даже короткое время.

Когда до конца оставалось всего пятьдесят страниц, они отбросили книгу, видимо, в уверенности, что смогут найти прибежище в рассказах Антона Чехова.

Но с Чеховым у них не заладилось, а вот с Кафкой, что любопытно, получилось чуть лучше; тем не менее, как говорится, ущерб уже был нанесен. Поскольку они осилили «Танталиаду», такая развязка стала неизбежной, и, конечно, они

воображали и даже разыгрывали сцены, которые делали этот исход еще прекраснее, печальнее и неожиданнее.

Так у них случилось с Прустом. Они откладывали Пруста из-за непреодолимой тайны, связывавшей их по отдельности с чтением – или с непрочтением – «В поисках утраченного времени». Обоим приходилось делать вид, что совместное чтение – это, по сути, долгожданное освежение романа в памяти. Так что во время каждого из многочисленных отрывков, казавшихся особенно запоминающимися, они меняли интонацию или смотрели друг другу в глаза в ожидании эмоций и имитируя максимальную близость. Однажды Хулио даже позволил себе утверждать, что только теперь он по-настоящему почувствовал, что действительно читает Пруста, а Эмилия ответила ему на это нежным и понимающим пожатием руки.

Будучи достаточно сообразительными, они пропускали эпизоды, которые, как им было известно, считались знаменитыми – да, именно эти фрагменты взволновали мир, но лично я восторгаюсь совсем другими. Взявшись за Пруста, в качестве меры предосторожности они сошлись во мнении, сколь трудно читателям произведения «В поисках утраченного времени» опираться на свой опыт. «Это одна из тех книг, которые, даже будучи прочитанными, продолжают ждать своего часа», – сказала Эмилия. – «Такие книги мы будем перечитывать вечно», – согласился Хулио.

Они остановились на 373-й странице первого тома «По

направлению к Свану», точнее, на следующем предложении:

> «Знание факта не всегда позволяет нам предотвратить его, но по крайней мере вещи, которые мы знаем, мы держим, если не в наших руках, то, во всяком случае, в нашем уме, где мы располагаем их как нам угодно, что дает нам иллюзию некоторой власти над ними».
>
> *(Перевод А. Франковского).*

Можно, но, пожалуй, неправомерно связывать данный отрывок с историей Хулио и Эмилии: это было бы чересчур, поскольку роман Пруста изобилует подобными фрагментами. И еще потому, что остаются чистые страницы, так как история продолжается.

Или не продолжается.

История Хулио и Эмилии не закончилась, но и не продолжается.

Она завершится через несколько лет со смертью Эмилии; остающийся в живых Хулио не умрет и не умер, он продолжает существование, но решает не продлевать сюжет. То же самое и Эмилия: пока что решает не продолжать его, но продолжает. Через несколько лет история уже не будет длиться, и больше не продолжится.

Знание факта не всегда позволяет нам предотвратить его, однако трудно отказаться от иллюзий, а этот рассказ, являющийся историей иллюзий, продолжается так.

Они оба знали, что, как говорится, уже написан финал для них, грустных молодых людей. Людей, которые вместе читают романы, просыпаются с книгами, затерянными в постельном белье, курят марихуану и слушают песни, не совпадающие с предпочтениями обоих (например, в исполнении Эллы Фицджеральд: они понимают, что в их возрасте все еще приемлемо открыть для себя эту американскую певицу). Оба мечтали хотя бы завершить чтение Пруста, осилить все семь томов, чтобы последнее слово («Время») стало также последним, намеченным ими самими. К сожалению, их терпения хватило на месяц с небольшим – они одолевали по десять страниц в день. Остановились на 373-й странице, и с тех пор книга остается открытой.

III. Одолжения

Сначала это был Тимоти, самодельная кукла, отдаленно напоминающая слона. Анита спала с Тимоти, дралась с Тимоти, кормила его и даже купала, прежде чем вернуть Эмилии через неделю. Обеим тогда было по четыре года. Раз в две недели родители девочек позволяли им побыть вместе, а иногда и провести выходные. Они играли в прятки, подражали чужим голосам и разукрашивали лица зубной пастой.

Ну а потом пришел черед одежды. Эмилии понравился бордовый джемпер Аниты, а та выклянчила у нее взамен футболку с рисунком песика Снупи. Так начался постоянный обмен, с годами превратившийся в хаотичный. В восемь лет Анита вернула подружке книгу для вырезания оригами, слегка поврежденную по краям. В возрасте от десяти до двенадцати они раз в две недели поочередно покупали журнал Ту («Ты») и обменивались кассетами с записями песен Мигеля Бозé, группы «Дюран-Дюран», Áльваро Скарамелли и группы Nadie («Никто»).

В четырнадцать Эмилия чмокнула Аниту в губы, и та не знала, как отреагировать. Несколько месяцев после этого они не встречались. В семнадцать лет Эмилия снова приложилась к ее губам, и на этот раз поцелуй продлился чуть дольше. Анита рассмеялась, но предупредила, что, если такое повторится, она даст ей пощечину.

В семнадцать Эмилия поступила в Чилийский университет изучать литературу – сбылась мечта всей ее жизни. Анита, разумеется, понимала, что изучение литературы – не главная мечта подруги, а прихоть, непосредственно связанная с недавним чтением уругвайской поэтессы Дельмиры Агустини. А вот мечтой Аниты было избавиться от нескольких лишних килограммов, что, однако, не принудило ее к изучению диетологии или к занятиям физкультурой. Пока что она записалась на интенсивный курс английского и продолжала изучать этот язык годами.

Достигнув двадцати лет, Эмилия и Анита стали жить вместе. Анита пребывала в одиночестве на протяжении полугода, поскольку ее мать недавно оформила новые отношения, заслужив – так она объявила дочери – шанс начать все с чистого листа. Это означало – без детей. Сейчас и, вероятно, впредь. Впрочем, в нашем сюжете мать Аниты и сама Анита не имеют особого значения, ведь они персонажи второстепенные. А значение имеет то, что Эмилия охотно приняла предложение поселиться у Аниты, соблазненная прежде всего возможностью свободно сожительствовать с Хулио.

Анита обнаружила, что беременна, за два месяца до того, как отношения ее подруги с Хулио окончательно испортились. Отец будущего ребенка – ответственное лицо, как это именовалось в то время, – был студентом последнего курса юридического факультета Католического университета, и

она всячески подчеркивала эту деталь, вероятно, чтобы придать своей оплошности видимость приличия. Хотя Анита и будущий адвокат были знакомы совсем недолго, они решили пожениться, а Эмилия выступила свидетельницей на брачной церемонии. На вечеринке один из друзей жениха хотел поцеловать Эмилию во время танца кумбия[4], но она увернулась, сказав, что ей не нравится такая музыка.

В двадцать шесть Анита уже была матерью двух девочек, а ее муж разрывался между желанием купить автофургон и смутным искушением породить третьего ребенка («дабы завершить производство», высокопарно заявлял он в попытке рассмешить окружающих, и ему это удавалось). Вот так они и поживали.

Мужа Аниты звали Андре́с или Леонардо. Условимся, что его имя Андрес, а не Леонардо. Давайте представим, что Анита бодрствовала, Андрес дремал, а две девочки спали в тот поздний вечер, когда к ним неожиданно явилась Эмилия.

[4] Колумбийский музыкальный стиль и танец, микс испанской и африканской музыки *(прим. ред.)*.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.